

Татьяна Гржибовская

Поколение с сиренью

Татьяна Гржибовская
Поколение с сиренью

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гржибовская Т. В.

Поколение с сиренью / Т. В. Гржибовская — «У Никитских
ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-175-0

«Поколение с сиренью» – романтики и энтузиасты, чьи детство и юность пришлись на годы НЭПа, коллективизации, репрессий, великих преобразований и Великой Отечественной войны, годы восстановления страны из руин после великой Победы. И если прошлое, по словам Генриха Гейне, «родина души человека», то рассказы и воспоминания родных – путь на родину души для каждого из нас. Предки автора этой книги – уроженцы теперешней Астраханской области. Летопись нашей многоликой страны с уникальной географией соткана из историй каждой отдельной семьи. Читатель, совершая путешествие во времени с героями этого повествования, возможно, ещё раз вспомнит с теплом и благодарностью своих близких и дорогих.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-175-0

© Гржибовская Т. В., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Папа	6
«Це оны – павлушки»	7
Сводная семья	8
Дед Василь	9
«Невеста» деда Василия. Бабушка Полина	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Татьяна Гржибовская

Поколение с сиренью

© Гржибовская Т.В., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

*Поколению с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколению
По колено в земле,
А сединами – в звёздах!
Вам, слышней камыша,
– Чуть зазыблется воздух –
Говорящим: ду – ша!
<...>
Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – быть,
Вам, среди шумного бала
Так умевшим – любить!
До последнего часа
Обращённым к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!*

Марина Цветаева

Папа

Мой папа, Склярв Виктор Васильевич, родился в 1926 году в СССР, селе Успенка Царёвского уезда Астраханской губернии, в коротком временном промежутке между двумя войнами – Первой мировой и Великой Отечественной. Сам он не был участником боевых действий, зато его память хранила рассказы отца, который был призван в Первую мировую, а горе Великой Отечественной он испытал на себе – подросток на начало войны, сам стал участником испытаний, выпавших на долю его страны. Он внёс свой вклад в Победу, работая модельщиком на военном заводе, и награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В течение жизни к этой самой дорогой награде присоединились памятные государственные юбилейные медали к 50-летию, 60-летию и 65-летию Победы.

Папа часто рассказывал – о своём детстве, об отце, о местах, в которых родился и в которых побывал, о том, как сложились судьбы родных. И в этих рассказах, в судьбе его самого и всего многочисленного семейства Скляровых раскрывалась для меня уже не только история рода – история страны. И я всегда помнила эти папины рассказы. Они и моя история тоже.

«Це оны – павлушки»

Прадед Павло Скляр, по разным источникам, родом из Полтавской или из Сумской губернии. Предположительно, из несохранившейся деревни Скляры Кременчугского уезда. «Что такое скляр? Стекольщик». Родился он в начале XIX века. А в 1840-х прадед Павло переселился в село Успенка Царёвского уезда Астраханской губернии.

Ревизские сказки Астраханской губернии за 1858 год выдают среди других фамилию Скляр в селе Владимировка, что по соседству с селом Успенка, тогда известным как Нижний хутор. В этих же документах за 1835 год фамилии Скляр еще нет.

Что представляла собой Успенка?

«Первые переселенцы в Нижний хутор, так раньше называлась Успенка, пришли из Полтавской и Харьковской губерний. Вот почему украинский язык послужил основой для местного диалекта. Нижний хутор существовал с 1750 года. В 1861 году в Нижнем хуторе при реке Ахтуба и озере Безымянном насчитывалось 53 двора, 212 человек мужчин и 214 – женщин. Примерно в 1885 году началось строительство церкви. Она была открыта 28 августа 1888 года в религиозный праздник Успения, отсюда и нынешнее название села. Население состояло, главным образом, из бедняков и середняков. Были и зажиточные крестьяне, которые имели ветряные мельницы и маслобойни, имелись в селе кузница и литейный цех. Стояла даже целая улица амбаров, где хранили хлеб зажиточные крестьяне...»¹.

Папа говорил, что Скляровых было полдеревни. Что целую улицу из трёх в Успенке составляли дома братьев Скляровых. И двери не закрывались.

Было у деда Павло восемь сыновей – Павловичи, по фамилии Скляровы: Михаил, Иван, Николай, Павло, Кося, Стёпка, Алёшка. И ещё один, вроде Григорий. «Це оны – павлушки». Кося и Стёпка после 1860 года родились. Все остальные – раньше.

Все они были крепкими крестьянами. Имели стада коров, овец, выращивали пшеницу.

У Ивана Павловича были дети Костя да Пашка. У Николая Павловича родились Иван, Николай, Павло, Фёдор. У Павло были Фёдор и Дуся. От Алёшки пошёл Василь.

У Михаила Павловича – деда Михайло, он был старше всех «павлушков» – было трое детей: Василь Михайлович (1885), Прасковья Михайловна (1888), Кирилл Михайлович (1891).

У Кирилла Михайловича с женой Евдокией Петровной, в девичестве Гетманцевой, были дети: Мария, Афонь, Николай, Пётр, Зина, Иван, Василий.

У Василя – моего деда, Василия Михайловича Склярова, – родились дети в двух браках. Первый брак был записан в метрических книгах Успенской церкви в 1905 году, жениху было 19 лет, невесте, Пелагее Назаровне Зубричевой, – 20. Пелагея Назаровна родила сыновей Василя (1906–1991) и Николая (1912–1942) и дочку Александру (1913–1916). Во второй семье родились Александра (1924–2011), Виктор (1926–2011), Мария (1929–2016), Антонина (1931–2017). Дед удочерил и приёмную дочку Стасю второй жены, её тоже звали Пелагея, по отчеству Пантелеевна, была она Яровой по первому мужу, в девичестве Калашниковой.

Семья получилась сводная.

¹ Ахтубинский район: информационный бюллетень Ассоциации муниципальных образований Астраханской области. URL: https://mo.astrobl.ru/sites/default/files/u189/Bulletin_Ahtubinskiy_001.pdf.

Сводная семья

Разговаривали в семье на трёх языках. Русском, «хохляцком» и немецком. На немецком языке братья Василь и Кирилл Михайловичи обсуждали свои проблемы и говорили о том, о чём никому не надо было слышать. Уши были везде. Время было смутное, беспокойное, за неосторожное слово можно было поплатиться жизнью. На «хохляцком» общались по-семейственному.

Дед Василь часто шутил шуточки, сыпал прибаутками и напевал солдатские песни на певучем украинском.

Вот такие, к примеру:

*Деж мои чоботы,
Шо с кобылы,
Шо ж вы так не робыты,
Як робылы.
Деж мои чоботы,
Шо с бычка,
Шо ж они не роблют,
Як дочка́.*

Или:

*– Кашица ты нашица,
После тебя все солдатики
Повыздыхали!!
– Как, как?
– Я, вашебродие, говорю:
После тебя все солдатики
Повыстрельнули².*

Ещё вот так солдатики говорили:

«Отдать долг татарину» – сходить по нужде.

А вот ещё страшилка для детей:

*Сидит дед на печи,
Сухарики сушит...
Он тебя задушит!*

Папа разговаривал на чистейшем русском языке. Но часто по настроению и по поводу он использовал стишки и песенки своего отца.

² Подпрыгнули.

Дед Василь

Папин отец, Василий Михайлович Скляр, родился 22 апреля 1885 года. «Отец родился в один день с Лениным». Было время правления Александра III, «царя-миротворца», без войн и революций.

А 28 июня 1914 года 19-летний сербский националист Гаврило Принцип решил одним выстрелом освободить Боснию и Герцеговину из-под власти Австро-Венгрии. Ему «повезло», он не промахнулся, престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд был убит. Начались разборки. Австро-Венгрия приписала Сербии причастность к убийству и решила отомстить за эрцгерцога войной. Германия поддержала Австро-Венгрию. Россия выступила в защиту Сербии и 30 июля 1914 года объявила мобилизацию, пытаясь охладить пыл Германии. Союзники Германия и Австро-Венгрия дали понять России, что не её это дело и без неё разберутся. Николай II в «порыве патриотизма» и в стремлении доказать Германии, что «мы не лыком шиты», подписывает 2 августа манифест о начале войны. Первая мировая началась. 38 из 59 стран, существовавших тогда, взялись за передел земного шара.

Дедушку Василия призвали на эту странную для России войну в начале августа 1914 года в пехотные войска 2-й армии генерала Самсонова. В самый разгар сельскохозяйственных работ. Было дедушке 29 лет. Дома остались жена и трое детей, младшей дочери чуть больше года. Жену и дочь дедушка больше не увидит никогда. Он говорил потом, что «непонятно было, за что воюем». Тем более это было непонятно крестьянам, которых оторвали от земли и от крестьянского труда.

Настроения, царившие в войсках, очень хорошо описывает А.А. Брусилов, один из самых известных русских генералов Первой мировой войны: «Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя... Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке-России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»...

Дед говорил, что винтовка была одна на двоих. Обмундирования не было. Есть было нечего. Дрались отчаянно, потому что закваска у русских мужиков такая. «Землю будто брусничным соком кто полил, столько было крови пролито». Потом, в 1915 и 1917 годах, будут приказы о награждении деда солдатским Георгиевским крестом 4-й и 3-й степени.

В конце августа 1914 года после изнурительных переходов и кровопролитных боёв с частями австро-венгров и немцев в Польше, под городом Ольштын, дед Василь вместе с родственником первой жены Литвиновым попал в плен (их окружили в окопах, технология рытья окопов оставляла солдат незащищёнными) в числе многих и многих тысяч – это было первое поражение русской армии на Восточном фронте.

Документы свидетельствуют о том, о чём умолчал дедушка. Вот в каких боях он участвовал.

На Восточном фронте австро-венгры с юга, а немцы с севера готовились взять в клещи Польшу. В то же время теснимые врагом французы настойчиво требовали от России «сделать что-нибудь», чтобы избежать захвата Германией Парижа.

Началась операция русской армии в Восточной Пруссии, итогом которой должно было стать взятие Берлина.

В соответствии с разработанным планом 1-я армия (генерала Ранненкампа) должна была наступать с востока на запад севернее Мазурских озёр, связывая основные силы немцев и отрезая их от укрепленного района Кёнигсберга (ныне Калининград). 2-й армии (генерала Самсонова) предстояло, двигаясь с юга, обойти Мазурские озёра с запада и перекрыть германским дивизиям пути отхода к Висле. Клещи вокруг немцев должны были сомкнуться в 70 километрах от границы, в районе Алленштейна.

Военно-политический аналитик Алексей Храмчихин в статье «Первая мировая. Как русские под Ольштыном Париж спасали» пишет, что «... всё поначалу шло... по русскому плану... Обе русские армии неторопливо, но уверенно продвигались вглубь Восточной Пруссии». Но при этом, как отмечает исследователь, генералы Ранненкампа и Самсонов практически не общались. Они не разговаривали. Они имели друг на друга «зуб» ещё с японской войны. В результате нескоординированных действий армии разошлись, между ними образовалась брешь, и этим воспользовались организованные немцы. Они начали атаки на фланги 2-й армии Самсонова с целью разгромить её. Сам Самсонов не владел ситуацией, так как фронт был растянут на 120 километров. «Разведка в армиях работала плохо. Обеспечение войск было на нуле. Радиogramмы не шифровались и перехватывались немцами».

В результате войска 2-й армии генерала Самсонова им же самим были отправлены в котёл окружения в районе города Алленштейна в Восточной Пруссии, после войны и передела территорий – Ольштын в Польше.

Алексей Храмчихин подводит печальный итог операции: «Русские войска были предельно измотаны, а начавшееся отступление полностью их деморализовало. 30 августа кольцо окружения замкнулось окончательно. Оказавшийся вместе с армией в „котле“ Самсонов, храбрый и честный человек, но бездарный командующий, застрелился».

Ранненкампа мог бы помочь тем, кто оказался в окружении, – его армия находилась в 50 км от Грюнфлисского леса, где терпела гибель армия Самсонова, но он этого не сделал.

О дальнейших событиях можно узнать из доклада комиссии, созданной для расследования обстоятельств поражения армии Самсонова, которую возглавлял генерал А.И. Пантелеев. В этом докладе так описывается судьба центральных корпусов 2-й армии:

«Когда к вечеру 16 (29) августа остатки... корпусов втянулись в Грюнфлиссский (Кальтенборнский) лес, то здесь все части окончательно перемешались, всякое командование было утрачено и все попытки пробиться через огневое кольцо совершались уже без плана и управлений. После нескольких безуспешных попыток пробиться остатки... корпусов частью рассыпались, частью разбились на отдельные группы, которые, не находя свободного выхода из леса, стали постепенно сдаваться неприятелю в плен. Из числа наиболее крупных групп, сдавшихся неприятелю в плен, по показанию свидетелей, были: смешанная толпа разных частей в несколько тысяч человек, среди коих были генералы...»

В общей сложности столкновения на путях отхода центральных корпусов 2-й армии причинили окруженным огромные потери. На полях боев было похоронено 6739 русских бойцов. По германским данным, в плен попали 15 генералов, 1830 офицеров и 91 400 солдат, взято 350 орудий. Свои потери германцы оценивали в 1891 убитого, 6579 раненых, 4588 пропавших без вести (в т. ч. 55 чел. в плену) и 16 орудий».

Есть и другие данные по числу пленных. Так, в «Журнале Московской Патриархии» за май 2006 года читаем официальные цифры: «в результате боев в Восточной Пруссии более шестидесяти тысяч русских солдат оказались в плену».

Германия так увлеклась разгромом самсоновской армии, что оттянула части армии от Парижа. В результате катастрофа русской армии обернулась спасением для парижан.

Крушение русской армии под Ольштыном – немцы нарекли его битвой при Танненберге – нашло отражение в произведениях Валентина Пикуля, в романе «Честь имею!», и Александра

Солженицына, в романе «Красное колесо». У каждого из них свой взгляд, своё представление об этой трагедии.

Я верю деду, верю его скупым словам, верю ему, как очевидцу. Снова возвращаюсь к дедушкиному повествованию.

Год дедушка провёл в лагере для военнопленных в Германии, где кроме русских было много французов, поляков. «Работали много, а еда составляла на день 200 граммов хлеба и стакан воды». Дед совсем «дошёл», и его родственник Литвинов тоже. Французам, например, присылали посылки с ветчиной, сахаром, галетами, конфетами, чаем и монетами – золотыми и серебряными. Им с Литвиновым никто ничего не присылал, да и вряд ли кто знал, где они. «Россия своих людей не считала и о них не переживала».

Дед выжил благодаря своему мастерству. Он делал кольца (украшения) французам из монеток. Они удивлялись, как это ему удавалось без каких-либо инструментов (дед гнул кольца пальцами), и подкармливали его за работу. Сколько ещё пришлось бы провести в лагере – неизвестно, если бы не пришёл один немецкий бюргер, чтобы подыскать себе работника из пленных. Выбрал он деда Василия за недюжинную силу и выносливость, забрал его к себе рабочим в дом, с проживанием. Ферма и лагерь были в районе города Висбадена. Папа это слово слышал в речи отца много раз, когда тот разговаривал с дядькой Кириллом на немецком. Это был 1915 год. Может, бюргер жизнь деду спас тем, что забрал к себе в работники.

Деду было тогда тридцать лет. Он был заморожен уровнем жизни немцев, причём средних по зажиточности. «Дорожки асфальтовые, дома кирпичные с черепицей, ни лопат, ни тяпок – всё механизировано. Маслобойки, станки... Всё у них в Германии было не так, как в России, – кругом цветы, клумбы, дорожки выложены плиткой».

Дед проработал у фермера три года, до 1919-го. К тому времени Российская империя была свергнута революцией 1917 года, Россия уже погружалась в пучину гражданской войны.

Дедушкины скупые рассказы подтверждаются современными документами. Вот что пишет «Журнал Московской Патриархии» о положении пленных Первой мировой войны в Германии и об отношении к ним:

«...Неготовность России к войне проявилась не только в катастрофическом недостатке вооружения, боеприпасов и обмундирования, но и в отсутствии налаженной статистики. В российской армии имела место чрезмерная засекреченность данных о потерях и плене. ...С самого начала войны эта тема в русской печати была полузапретной, а уже к концу 1914 года стала строго подцензурной: любое упоминание о взятых в плен русских солдатах и офицерах строго вымарывалось. Секретный указ Московского градоначальника запрещал любые воззвания в защиту пленных, публичный сбор денег для них и прочее. ...Единственной официальной структурой, которая занималась вопросами военнопленных, было Центральное справочное бюро при Российском Обществе Красного Креста (РОКК) в Петрограде. Но в отношении нижних чинов до конца 1915 года регистрация вообще не велась. ...Лагеря военнопленных строго делились на офицерские и солдатские. В первых условия содержания были сносными и даже удовлетворительными: некоторые группы русских офицеров размещались в старинных замках и даже в зданиях бывших санаториев и пансионатов, как, например, в городе Аугустабаде. В солдатских лагерях ситуация была иной. Русский эмигрантский писатель Р.Б. Гуль, оказавшийся в Германии в 1919 году в положении беженца, в романе „Жизнь на фукса“ описал положение русских солдат, сидевших в первые годы плена в концентрационном лагере Дебериц под Берлином. За решеткой и колючей проволокой, которыми была обнесена „большая площадь земли с дощатыми бараками“, – писал Гуль, – стоял „лесок русских крестов тысяч в семь. Надписи на крестах были аккуратны. Обозначали унтер-офицера, ефрейтора, рядового. Все они умерли оттого, что питались брюквой и непосильно работали“. Очень показательный диалог, состоявшийся у автора с пленным русским солдатом: „Неужели ж, земляк, вам

никто ничего так и не присылал из России – ни при царе, ни при Керенском?“ – „Как есть ничего. Ни одной соринки“. – „Да как же вы жили?“ – „Так в холуях у французов да англичан и жили, сапоги им чистили, дела за них справляли, а они за это в морду галетами швыряли... Дошли, как мухи, от немецкой собачины да от брюквы – вот и крутились...“ ...А из России были запрещены к пересылке в лагерь военнопленных даже сухари. ...Сестры милосердия заявили о недостаточности питания военнопленных, чрезмерно жестоком обращении администрации лагерей с ними. Только к моменту начала инспекционных поездок в лагерях Германии санитарные условия стали „превосходными“, но до лета 1915 года практически ни в одном лагере не было бань. ...Как правило, военнопленные размещались в землянках, деревянных или дощатых бараках без пола и почти без печей, иногда – из рифленого железа. В подавляющем большинстве лагерей отсутствовали отопление, освещение, вентиляция, часто – окна. Эпидемии, скудная еда приводили к высокой смертности, люди спали на прогнившей соломе, зараженной грибком, высока была скученность. Пленные ели отбросы, которые находили в мусорных ящиках, хлеб им выдавался негодного качества, с примесью всякого „снадобья“, включая деревянные опилки. Частыми были случаи смерти от голода. Ни в одном из лагерей принятые германским и австрийским командованием нормы продовольственного обеспечения не соблюдались. ...В Чрезвычайной следственной комиссии сохранилось такое письмо, пришедшее из Германии: „Мы, русские военнопленные в Германии, со слезами молим нашу матушку родимую не забывать своих сынов, томящихся в неволе, терпящих в плену обиды и унижения, голод и издевательства. За тебя, ненаглядная, мы подвергаемся гонению, биению, у раскаленной печи стоянию, к столбу привязыванию, подвешиванию, на земле распинанию, собак травлению... Многих ты, родная, увидишь в лике исповедников, мучеников за тебя, погибших не честною смертью в поле, а в бурсманской земле, не пожелавших отречься от тебя. Твои сыны остались верными тебе, родная, до конца. Но ты их не забывай, поддержи их хлебом; не дай им погибнуть от голода, мать родная, дай нам силы дожить, увидеть, взглянуть на тебя, ненаглядная, Русь Святая! Просим с умилением тебя: помни своих сынов в неволе и в молитвах святых их помяни!“

...Кардинальные перемены в правовом и материальном положении военнопленных стали возможны только после октябрьского переворота.

...Восьмая статья мирного договора, подписанного в Бресте, также оговаривала отпуск всех военнопленных на родину. Несмотря на это решение, и в России и в Германии военнопленных до ноябрьской революции 1918 года в Германии удерживали на работах. ...В том, почему из 15,5 миллионов россиян (данные на начало 1917 года), мобилизованных на фронты Первой мировой войны, более 4 миллионов (около 29 %) оказались в плену, историки-специалисты почти разобрались. Значительно меньшее внимание было уделено судьбам тех, кто вынес все тяготы военного пленения не только в Германии и Австро-Венгрии, но и в других странах.

Вопрос об их судьбах и судьбах интернированных после репатриации в Россию практически не исследован. Эта задача не стояла перед российскими и советскими государственными и общественными структурами. По большей части их имена забыты».

К этому с горечью могу добавить, что мой дедушка как раз из тех, кто в списках не значится.

По сведениям рейхсвера, в годы Первой мировой войны в Германии находилось 1 млн 312 тыс. пленных россиян.

А вот как сложилась дальнейшая судьба деда.

«Возвращались домой пешком». Как дед говорил, у властей был расчёт на гибель в пути пленных Первой мировой – ни один поезд бывших пленных не брал. Дед на себе нёс инструменты и маслобойку.

А многие из тех, кто выжил в плену, остались в Германии после освобождения. Дед шёл домой, к семье и детям, в свою Успенку.

Вернулся, а дом без хозяйки. И дочка не выбежала отца встретить... Умерли они от тифа в 1916 году. Остались сыновья-подростки – Вася и Коля. Ещё дед Михайло с бабушкой – Васю с Колей они сохранили.

Ребят кормить надо. А тут – продналог. Надо сдавать масло, яйцо, мясо. А «если нет – купи, выменяй, но отдай. Последнее отдай». И по всей округе банды орудуют: «зелёные», «маслаковцы» – лошадей уводят, поля поджигают, подбивают крестьян против советской власти. Комиссары с мобилизацией наезжают. Белые мстят за лояльность к красным. И такая вот круговерть.

«Невеста» деда Василия. Бабушка Полина

Деду Василию было лет тридцать восемь – тридцать девять (это было году в 23–24-м), когда узнал, что осталась в соседнем селе «невеста» без мужа. Первого мужа Полины, Пелагеи Пантелеевны, в девичестве Калашниковой, – Даньку Ярового – в гражданскую войну беляки загоняли на льду лошадьми, до смерти застегали плетьюми: «не связывайся с красными».

«Невесте» было тогда лет двадцать восемь. И семья «невесты» – Калашниковы – была известна на всю округу. Как известен был герой поэмы Михаила Юрьевича Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Степан Калашников. Глава семейства Калашников Пантелей Михайлович, мой прадед, был человеком почитаемым среди односельчан.

Если обратиться к сетевым источникам информации, можно прочитать, что «...фамилия Калашников представляет собой замечательный памятник славянской письменности и культуры. ...восходит к профессиональному наименованию Калачник, так в старину называли людей, которые пекли или продавали калачи. Позднее прозвище Калачник стало употребляться и по отношению к пекарю разных мучных изделий».

Во второй половине XIX века крестьяне из малоземельных районов России массово переселялись на юг, в Астраханскую губернию, где, по определению историков, «крепостничество российского типа было ничтожным», так как царское правительство было заинтересовано в освоении и заселении этой обширной приграничной территории.

В числе таких переселенцев, зажиточных крестьян и торговцев, был прадед Калашников Пантелей Михайлович (1865) и его брат, Калашников Степан Михайлович (1862). Поселились они во Владимировке Владимировского района (ныне г. Ахтубинск). Были раскулачены в начале 30-х годов.

Прабабушка Калашникова, жена прадеда Пантелея, «бабка Фёкла» (1867), долго жила в доме во Владимировке, не выходя из него месяцами и годами. Папа рассказывал, что, когда бы он ни прибежал к бабушке один или с мамой Полиной, она всё на печке лежит или сидит, «завсегда» доставала из-под подушки «угощеньице» для «внучка». Та к и «досидела бабка Фёкла на печке до 90 лет». У деда с бабушкой Калашниковых кроме дочери Пелагеи (Полины) были сыновья Данил и Проня.

Первым мужем бабушки Полины был Даниил Яровой. Мне он не приходился дедушкой, но рассказы моего папы о его героической смерти сделали и его членом нашей семьи. К тому же фамилия Яровой зачаровывала своей необычностью. Да и древностью. Предок первого мужа моей бабушки Полины мог жить на «яру», мог быть «весенним, яровым, ребёнком», а мог быть «яровитым», вспыльчивым, человеком. С фамилией Яровой связана любопытная история писателя Константина Тренёва. Владимир Голяховский в книге «Путь хирурга: полвека в СССР: воспоминания» (2006) пишет о том, что пьеса «Любовь Яровая» 30-х годов о революции была любимой пьесой Иосифа Виссарионовича Сталина. По сюжету героиня Любовь Яровая происходит из дворян, но становится революционным деятелем. «Сталин обожал такие сюжеты», и по его указанию спектакль шёл во всех театрах страны. Автор пьесы «...Тренёв сказочно разбогател и построил в Ялте двухэтажную виллу» с оранжереей, мраморным бассейном. «Таких условий жизни в советской действительности мы себе не представляли».

Первый нарком просвещения РСФСР, академик АН СССР Анатолий Луначарский в своём отзыве о спектакле «Любовь Яровая» приводит слова известного литературоведа профессора Сакулина: «Здесь показана эпоха, словно в зеркале, разбитом на много маленьких осколков». Потому что «Любовь Яровая» – это произведение о разбитых судьбах, жизнях, надеждах, о самообмане, вольном и невольном предательстве, о слепоте и прозрении.

Когда мне довелось увидеть этот спектакль на сцене Малого театра в 1978 году с Юрием Соломиным в роли поручика Михаила Ярового, в «осколках» действия, в многочисленных ярких персонажах я узнавала и своего деда Василия Склярова, вернувшегося из германского плена после Первой мировой и попавшего в мясорубку гражданской войны, и его брата, дядьку Кирилла, искавшего правды у белых и у красных, и прадеда Пантелея Калашникова, кулака, насмерть стоявшего за свой кусок земли и нажитое добро, и бабушку Полину-Пелагею, надевшуюся только на Господа Бога, и мужа её, красноармейца Даниила Ярового, принявшего смерть, но не отступившегося от своих принципов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.